

УДК 124.2

НАРРАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ В БИБЛЕЙСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

А. В. Арапов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 31 марта 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о том, в какой степени нарративный подход может быть применим в библейских исследованиях. Это достаточно серьезный вопрос, так как не только библейские нарративы прочно укоренены в социоисторическом контексте их времен, но и большинство других нарративов обретают свой реальный смысл лишь во взаимосвязи с историческими событиями и реальными лицами. Ответ на этот вопрос может состоять в том, чтобы позволить различным точкам зрения дополнять друг друга: концентрация внимания на литературных характеристиках нарратива не исключает необходимости понимания культурной обстановки, в которой возник текст, рассмотрение современных ему литературных форм, и т. д.

Ключевые слова: библейские исследования, библейские нарративы, нарративный подход, структурализм.

Abstract: the article reviews the topic about narrative approach option to be applied to Biblical studies. This is quite a serious question, as not only biblical narratives are firmly rooted in the social and historical context of those times, but because most of other narratives get their real meaning only in relations to historical events and real persons. The answer to this question may consist the point to let various points of view to support each other: focus on the literary characteristics of a narrative does not exclude the need to understand the cultural environment to help the text appearance, and consideration of contemporary literary forms, etc.

Key words: Biblical studies, Biblical narratives, narrative approach, structuralism.

Нарративная экзегетика предлагает метод интерпретации библейского послания, имеющего форму истории или персонального свидетельства. Актуальность этого подхода обусловлена тем, что библейский текст включает ряд важных нарративов. Ветхий Завет содержит историю исхода еврейского народа из Египта, которая служит основой для изложения доктрины и ритуала. Провозглашение христианской керигмы представляло собой последовательное изложение истории жизни смерти и воскресения Иисуса Христа. Эти события были детально описаны в евангелиях. Доктрины в апостольских посланиях также часто излагаются в нарративной форме (1 Кор 11:23-25).

Нарративный подход позволяет разработать методы анализа текста, с одной стороны, и теологической рефлексии – с другой. Суще-

ет несколько разновидностей аналитических методов, основанных на нарративном подходе. Некоторые из них отталкиваются от исследования древних моделей нарратива. Другие основываются на современной «нарратологии», в различных ее формах, которые часто соприкасаются с семиотикой. Уделяя особое внимание элементам текста, имеющим отношение к сюжету, характеристикам персонажей и точке зрения повествователя, нарративный анализ исследует, как текст рассказывает историю таким образом, чтобы вовлечь читателя в свой «мир повествования» и в систему ценностей, содержащихся в нем. Ряд методов вводит дистинкцию между *реальным автором* и *подразумеваемым автором* и между *реальным читателем* и *подразумеваемым читателем*. *Реальный автор* – это личность, которая реально составила историю. *Подразумеваемый автор* – это тот образ автора, который последовательно создается текстом в процессе его чтения (со своей собственной культурой, характером, влияниями и т. д.). *Реальный читатель* – это любой человек, который читает текст, начиная с того, кто его первым прочитал или услышал, и вплоть до того, кто читает его сегодня. *Подразумеваемый читатель* – это тот читатель, которого текст предполагает и которого он формирует, это тот, кто способен совершить ментальные и эмоциональные операции, необходимые для вхождения в нарративный мир текста и для того, чтобы ответить тексту таким образом, как это предполагалось реальным автором, и чего он стремился достичь посредством инструментария подразумеваемого автора. Текст продолжает оказывать воздействие в той степени, в которой реальные читатели (в начале XXI столетия) могут идентифицироваться с подразумеваемым читателем. Одна из основных задач экзегетики – облегчить процесс этой идентификации. Нарративный анализ предлагает новый способ понимания того, как текст работает. Если историко-критический метод понимает текст как «окно», дающее доступ к тому или другому периоду (не только к ситуации, описываемой в истории, но также и к обществу, в котором история была рассказана), то нарративный анализ предполагает, что текст функционирует так же, как зеркало, в том смысле, что он проецирует определенный образ («нарративный мир»), который должен оказывать на читателя такое воздействие, чтобы он предпочел одну систему ценностей другой. С этим типом исследований (прежде всего, литературным по своему характеру) связан определенный тип богословской рефлексии. Он исходит из того, что Писание имеет характер «истории» или «свидетельства» и, исходя из этого, разрабатывает герменевтику более практического, иначе говоря – пасторского, характера. Этот тип богословской рефлексии представляет собой реакцию против редукции текста Библии к серии теологических тезисов, зачастую формулируемых посредством небиблейских категорий и небиблейского языка. Нарративный экзегизис стремится в новом историческом контексте заново открыть их спасающую силу. Нарративный анализ всегда имеет в виду как рассказывание истории о спасении («информативный аспект»), так и рассказывание истории с целью спасения

(«перформативный аспект»). Библейское повествование всегда содержит (в явном или скрытом виде) экзистенциальный призыв к слушателю.

Нарративные подходы имеют тенденцию сосредоточиваться прежде всего на библейском тексте как едином целом, включая различные компоненты, которые взаимосвязаны через всю систему перекрестных ссылок и образцов. Последователи этих подходов действительно стремятся интерпретировать текст в целом. Можно выделить следующие основные тенденции в современном литературном анализе библейских нарративов [1].

1. Акцент делается на базовых аспектах природы и функций нарративов и их чтения, которые не связаны с определенными литературными школами. Внимание сосредоточивается на структуре и композиции нарратива, развитии тем и мотивов действующих лиц. Таким образом, например, в экзегетике Евангелия анализируются: структура нарратива и взаимосвязанность тем и событий; развитие сюжета; функции действующих лиц и методы их описания. Примечательно, что зачастую исследуются небольшие фрагменты или эпизоды этих нарративов (например, глава 9 Евангелия от Иоанна).

2. Библейский нарратив анализируется не только как «нарратив вообще», а как нарратив определенного типа, а именно «господствующий (mainstream) нарратив». Этот термин (сам по себе достаточно спорный) подразумевает традиционный тип нарратива, который рассчитан на более широкий круг, чем круг искушенных критиков. Такие нарративы показывают довольно реалистических персонажей, находящихся во вполне вероятном окружении, руководствующихся вполне понятными человеческими мотивами и обладающих узнаваемыми человеческими чертами. События в таких нарративах происходят в естественной временной последовательности, а следствия имеют достаточно прозрачные причины. Противоположный тип нарратива – «экспериментальный нарратив». Предполагается, что библейский нарратив относится к нарративам господствующего типа.

3. При анализе принимается во внимание тот факт, что библейские нарративы были рассчитаны на «среднего читателя» – читателя, от которого может ожидать непосредственный отклик, для которого привычной является «реалистичная беллетристика» и который будет больше интересоваться описанной в нарративе историей, чем анализом его текстовых особенностей или риторики. Исследователь должен избежать искушения читать библейский нарратив таким образом, каким реальные читатели его никогда не читали. При этом надо иметь в виду, что авторы библейских нарративов предполагали все-таки не глуповатого, но достаточно компетентного читателя. Возможность чтения текста искушенным читателем тоже, конечно, могла предполагаться.

4. Существует характерная для англосаксонских исследователей тенденция работать в рамках того, что может быть названо «традиционным англо-американским подходом». Так называемая «традиционная англо-американская теория» продолжает оставаться очень влиятельной

в англосаксонской библейской герменевтике. Характерные черты этого подхода: концентрация на традиционных нарративных феноменах, таких как сюжет, тема, пространственное и временное движение, изображение персонажей; положительное отношение к понятию реализма; отсутствие скепсиса по отношению к иллюзии действительности в нарративах; признание высокой ценности художественных достоинств нарративов; склонность к целостному восприятию нарратива и отрицательное отношение к атомизирующим тенденциям в герменевтике; акцент на функциях феноменов нарратива, а не на анализе его исторического фундамента. Классические образцы этого подхода содержатся в работах Генри Джеймса, Перси Лаббока и Е. М. Форстера.

Вполне естественным является сравнение в ходе герменевтических исследований библейских текстов с современными им древними текстами. Но сегодня в литературном нарративном анализе получило распространение и сравнение библейских текстов с современными нам литературными произведениями. Это обосновывается следующим образом. Во-первых, обращение к литературе этого периода помогает лучше понять концепции и проблемы теории нарратива. Современные теории нарратива были разработаны на основе анализа нарративной литературы (в особенности романов) XIX и первой половины XX в. Таким образом, обращение к современной литературе позволяет понять, что некоторые аспекты теории нарратива применимы в полной мере лишь к современным нам нарративам, и попытки применять их к древним нарративам иногда ведут к длинным бессмысленным дискуссиям ни о чем.

Во-вторых, сопоставление современных нарративов с библейскими создает более широкую перспективу в анализе библейских нарративов. Это касается различных литературных направлений.

- Библейские нарративы обнаруживают свою близость к литературе, связанной с литературным движением реализма, которое достигло своего расцвета в XIX столетии. Лучшие представители этого движения были способны создать настолько реалистичный мир нарратива, что он кажется более реальным, чем сама жизнь. Чтение их произведений вызывает желание вновь эмоционально пережить описанные в них события и на время раствориться в их мире. Такой тип литературы существует и по сей день, несмотря на различные эксперименты. Основные черты этой литературы: реалистическая корреляция между миром нарратива и реальным миром; интерес к выражению исторической реальности; акцент на особенностях персонажей и развитии сюжета. Знание характерных особенностей и механизмов реалистической литературы может быть плодотворно использовано в исследовании библейских нарративов, которые имеют много общего с реализмом.

- Параллельным реализму литературным движением является романтизм. Для него характерна идеализация и склонность к эстетическим и моралистическим оценкам жизни и людей. Представители романтизма отличаются уважением к поэтическому воображению и интуиции. Романтическая литература сосредотачивает свое внимание

на духовных аспектах жизни, сильных человеческих чувствах. Вполне естественно, что романтизм нашел в Библии неиссякаемый источник вдохновения. Специфические черты романтической литературы не чужды библейским нарративам, и их изучение может помочь в понимании библейских текстов. Литература модернизма имеет меньшее значение для библейской герменевтики, прежде всего, из-за обширного экспериментирования с нарративными техниками, которое не характерно для библейских повествований. Но и у модернистской литературы есть общие черты с библейскими нарративами: критика общества, а также стремление к четкой композиции нарратива. Во второй половине XX столетия получила развитие литература постмодерна. Постмодернистское движение бросило вызов концепции литературы как реалистического отражения жизни. С точки зрения постмодернистских авторов, сама «реальная жизнь» является иллюзией, и «реальный мир» ничуть не более реален, чем мир нарратива. Характерными чертами этой литературы являются: сосредоточение нарратива на самом себе, игра с читателем, сюрреалистические сюжеты, явная демонстрация деятельности автора, акцент на недостоверности текстов и абсурдности жизни. Ценность постмодернистской литературы для библейской герменевтики состоит в том, что в сравнении с ней могут быть ярче выявлены характерные черты библейских нарративов. Начиная с 1980-х гг. возникает новая тенденция в литературе, которую условно можно назвать «нео-постмодернизмом». Эта тенденция представляет собой реакцию на постмодернистские крайности и связана с переоценкой значения реализма. Литература данного направления вновь сближается с библейским нарративом.

Против использования современных литературных теорий в библейской герменевтике может быть выдвинуто следующее возражение: современные литературные теории не предназначены для описания древних нарративов, и применение современных категорий и концепций к древним нарративам будет носить искусственный характер. На это возражение может быть дано два ответа.

Во-первых, различие лежит не столько между современными и древними нарративами, сколько между древними и современными литературными теориями. Во-вторых, древние и современные теории лишь по-разному описывают общие для древних и современных нарративов феномены. Конечно, это не подразумевает, что герменевтика должна рассмотреть древние нарративы как полностью идентичные современным нарративам или игнорировать литературные конвенции древних нарративов (жанр и т. д), или отказаться от рассмотрения библейских нарративов в контексте древней ближневосточной и эллинистической литературы. Однако это не должно приводить к отрицанию применимости современной теории нарратива для анализа библейского текста. Человек всегда любил читать и слушать истории, и большинство существенных характеристик нарратива мало изменялись на протяжении веков. Древние и современные нарративы имеют много сходного. Будет ошибочным постулирование принципиальных различий между narra-

тивами различных эпох. Цветан Тодоров отмечал, что понятие «примитивного нарратива» является своего рода умственным миражом, и чем тщательнее мы будем рассматривать тот или иной древний нарратив, тем больше мы будем обнаруживать в нем сложность и тонкость, с которыми он формально организован и с которыми он описывает предметы. Рассмотрим вкратце использование некоторых конкретных разновидностей нарративного анализа в библейской герменевтике.

Зарубежная герменевтика не прошла мимо российского формализма, который был связан с советской семиотикой и пражским структурализмом [2, р. 12]. Отношение к этой теории среди представителей западной библейской герменевтики было неоднозначным. Западные библеисты отрицательно отнеслись к следующим характерным чертам формализма: высокой оценке независимости литературной работы; энтузиазму по отношению к «литературности» литературной работы; введению дистинкции между фабулой и сюжетом. Однако другие аспекты формализма вызвали немалый интерес у западных библеистов. Это относится к таким аспектам, как: исследование литературных приемов, используемых авторами; исследование тем нарративов и признание важности тем как выражения универсальных человеческих нужд и тревог; рассмотрение ориентированного на конфликт развития нарративов, которое завершается разрешением – синтезом; стремление освободиться от исторических ограничений, чтобы увидеть текст свежим взглядом. Пражская лингвистическая школа и семиотика в целом первоначально не привлекли внимания западных библеистов. Однако в последние десятилетия возник интерес к таким аспектам этих теорий, как выявление «доминирующего принципа рассказа» (пронизывающего все части нарратива и объединяющего их в единое целое) и демонстрация радикальной взаимозависимости компонентов литературного произведения. Советские семиотические теории оценивались западными библеистами как слишком абстрактные и формальные, для того чтобы быть применимыми в библейской герменевтике, но отдельные их концепции (литературное произведение как система знаков, составленная в определенном социокультурном контексте, бинарные оппозиции как основа литературного нарратива) также заинтересовали в последнее время зарубежных библеистов.

Применение структуралистского подхода в библейской герменевтике вызвало как энтузиазм, так и жесткую критику, которая последовала со стороны сторонников «традиционного англо-американского подхода». Polemika развернулась, главным образом, вокруг следующих ключевых моментов. Структурализм показывает в целом достаточно формалистический подход и отличается любовью к иерархическим моделям и использованию различных таблиц, формул и диаграмм. В таком подходе усматривали тенденцию свести нарратив к «логической механике». Структуралисты анализируют нарратив в категориях универсальных лингвистических структур, в результате чего литературный анализ сводится к логике и лингвистике. Сторонники традиционного подхода

обвиняли структуралистов в том, что они не уделяют внимания творческому началу, художественной гармонии, авторскому самовыражению. Структуралистскому подходу противопоставляется характерное для англо-американской школы рассмотрение нарратива как динамического организма, который является гибким и не укладывается целиком в логические категории. Традиционная школа в большей степени интересуется функциями текста, теми отношениями, в которые оказывается вовлечен текст (включая отношения с реальным миром). Структуралистский анализ атомизирует нарративы, разбивая их на микроединицы, в то время как традиционный подход ориентируется на более крупные структуры нарратива, а также на их единство. В отличие от традиционной школы структурализм концентрируется в большей степени на действиях и событиях, а не на «характерах».

Если говорить о семиотическом анализе, то следует отметить, что большинство исследователей, использующих в библейской герменевтике семиотические методы, придерживаются концепций Альгирдаса Греймаса и основанной им Парижской школы [3].

1. Принцип имманентности. Каждый текст образует совокупность значений, завершённую в себе. Семиотический анализ рассматривает целый текст, но только текст. Он не рассматривает какие-либо сведения, внешние по отношению к тексту: об авторе, читателях, событиях, происходивших в процессе написания текста.

2. Принцип структуры смысла. Не существует смысла данного иначе, как в отношениях и через отношения. Анализ должен установить сеть взаимоотношений (оппозиции, подтверждения и т. д.) между различными элементами текста. Таким способом конструируется смысл текста.

3. Принцип грамматики текста. Каждый использует некоторую «грамматику», иначе говоря, определенное количество правил и структур; собрание высказываний, именуемое дискурсом, имеет различные уровни, каждый из которых обладает своей собственной грамматикой.

Всё содержание текста может быть проанализировано на трех различных уровнях:

1. Повествовательный уровень. На этом уровне изучается процесс трансформации, который движет действие от начальной к финальной стадии. В движении повествования анализ стремится выявить различные фазы, логически связанные одна с другой и показывающие трансформацию от одного состояния к другому. В каждой из фаз выявляются взаимоотношения между «ролями», играемыми «действующими лицами», которые определяют различные стадии развития повествования.

2. Уровень дискурса. Анализ этого уровня включает в себя три операции:

- определение и классификация фигур, иначе говоря, элементов смысла в тексте (действующие лица, времена и места);
- отслеживание движения каждого элемента в тексте. На этом этапе предполагается определить, как текст использует каждую из них;

- исследование тематической значимости фигур. Последняя операция состоит в определении «во имя чего» фигура проделывает свой путь в тексте.

3. Логико-семантический уровень: именуется также глубоким уровнем; является наиболее абстрактным; исходит из предположения, что определенные формы логики и смысла стоят за нарративной и дискурсивной организацией любого дискурса. Анализ на этом уровне предполагает определение логики, которая управляет базовыми артикуляциями нарративного потока текста. Для достижения этого часто используется инструмент, называемый «семиотическим четырехугольником» (*carré sémiotique*), – фигура, показывающая отношения между двумя «противоположными» и двумя «противоречащими» терминами (например, «белое» и «черное», «белое» и «не белое», «черное» и «не черное»).

Привлекая внимание к тому факту, что библейский текст есть единое целое, используя точную лингвистическую механику, семиотика опирается на понимание того, что Библия, будучи словом Бога, выражена на человеческом языке. Особое значение для библеистов имели выделение Бартом горизонтальных и вертикальных уровней, на которых нарративы работают, а также взгляды Бремонта на развитие нарратива посредством процессов улучшения – ухудшения – восстановления и концепция Эко о различных уровнях декодирования текста. Семиологическая методология Ролана Барта специально создавалась для анализа текстов, имеющих социальное и культурное значение, причем текстов самого различного характера, включая литературные, политические и т. д. Методы школы Барта (и других семиологических школ) широко использовались исследователями в разных отраслях гуманитарного знания. Бартовский метод позволяет вычленить различные функциональные элементы текста, его смысловые, знаковые составляющие, выяснить их роль в его внутреннем пространстве и в пространстве человеческой культуры прошлого и настоящего. Оказывается возможным показать, какое влияние на подбор и сочетание этих элементов оказала культурная и социальная ситуация, в которой создавался этот текст. Важной особенностью Бартовской методологии является и учет различного характера этих элементов, их смысловой и эмоциональной нагруженности.

Ориентированные на социальные аспекты марксистский и неомарксистский подходы были некоторое время весьма влиятельными в протестантской герменевтике, однако в настоящее время их перспективы в библейской герменевтике ограничены. Деконструкция также была в центре внимания, но она представляет собой скорее философскую теорию, чем технику анализа. Сосредоточенные на тексте (автономистические) подходы рассматривают литературное произведение как замкнутую сущность, смысл которой может быть по-настоящему понят через рассмотрение взаимоотношений его собственных частей и которая автономна по отношению к таким находящимся вне текста факторам, как намерения автора или интерпретация читателя. Такие тенденции были характерны для англо-американского подхода и достигли своей высшей

точки в движении «нового критицизма», стремившегося анализировать литературу в терминах ее собственных внутренних принципов, а не через рассмотрение внешних явлений типа биографических сведений об авторах.

В какой степени нарративный подход может быть применим в библейских исследованиях? Это достаточно серьезный вопрос, так как не только библейские нарративы прочно укоренены в социоисторическом контексте их времен, но и большинство других нарративов обретают свой реальный смысл лишь во взаимосвязи с историческими событиями и реальными лицами. Ответ на этот вопрос может состоять в том, чтобы позволить различным точкам зрения дополнять друг друга: концентрация внимания на литературных характеристиках нарратива не исключает необходимости понимания культурной обстановки, в которой возник текст, рассмотрения современных ему литературных форм, и т. д.

Литература

1. *de Klerk J. C.* Situating biblical narrative studies in literary theory and literary approaches / J. C. de Klerk // *Religion and Theology*. – 4.3 (1997). – P. 190–207.
2. *Powell M. A.* What Is Narrative Criticism? (Guides to Biblical Scholarship New Testament Series) / M. A. Powell. – Fortress Press, 1991.
3. *Greimas A. J.* Structural Semantics : an Attempt at a Method / A. J. Greimas ; trans. Daniele McDowell, Ronald Schleifer, and Alan Velie. – Lincoln, Nebraska : University of Nebraska Press, 1983.

Воронежский государственный университет

Арапов А. В., доктор философских наук, доцент

E-mail: arpv@mail.ru

Voronezh State University

Arapov A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

E-mail: arpv@mail.ru